

Just Before the War with the Eskimos

FIVE STRAIGHT SATURDAY MORNINGS, Ginnie Mannoх had played tennis at the East Side Courts with Selena Graff, a classmate at Miss Basehoar's. Ginnie openly considered Selena the biggest drip at Miss Basehoar's--a school ostensibly abounding with fair-sized drips--but at the same time she had never known anyone like Selena for bringing fresh cans of tennis balls. Selena's father made them or something. (At dinner one night, for the edification of the entire Mannoх family, Ginnie had conjured up a vision of dinner over at the Graffs'; it involved a perfect servant coming around to everyone's left with, instead of a glass of tomato juice, a can of tennis balls.) But this business of dropping Selena off at her house after tennis and then getting stuck--every single time--for the whole cab fare was getting on Ginnie's nerves. After all, taking the taxi home from the courts instead of the bus had been Selena's idea. On the fifth Saturday, however, as the cab started north in York Avenue, Ginnie suddenly spoke up.

"Hey, Selena. . ."

"What?" asked Selena, who was busy feeling the floor of the cab with her hand. "I can't find the cover to my racket!" she moaned.

Despite the warm May weather, both girls were wearing topcoats over their shorts.

"You put it in your pocket," Ginnie said. "Hey, listen--"

"Oh, God! You've saved my life!"

"Listen," said Ginnie, who wanted no part of Selena's gratitude.

"What?"

Ginnie decided to come right out with it. The cab was nearly at Selena's street.

"I don't feel like getting stuck for the whole cab fare again today," she said. "I'm no millionaire, ya know."

Selena looked first amazed, then hurt.

"Don't I always pay half?" she asked innocently.

"No," said Ginnie flatly. "You paid half the first Saturday. Way in the beginning of last month. And since then not even once. I don't wanna be ratty, but I'm actually existing on four-fifty a week. And out of that I have to--"

"I always bring the tennis balls, don't I?" Selena asked unpleasantly.

Sometimes Ginnie felt like killing Selena.

"Your father makes them or something," she said. "They don't cost you anything. I have to pay for every single little--"

"All right, all right," Selena said, loudly and with finality enough to give herself the upper hand. Looking bored, she went through the pockets of her coat.

"I only have thirty-five cents," she said coldly. "Is that enough?"

"No. I'm sorry, but you owe me a dollar sixty-five. I've been keeping track of every--"

"I'll have to go upstairs and get it from my mother. Can't it wait till Monday? I could bring it to gym with me if it'd make you happy."

Selena's attitude defied clemency.

"No," Ginnie said. "I have to go to the movies tonight. I need it."

In hostile silence, the girls stared out of opposite windows until the cab pulled up in front of Selena's apartment house. Then Selena, who was seated nearest the curb, let herself out. Just barely leaving the cab door open, she walked briskly and obliviously, like visiting Hollywood royalty, into the building. Ginnie, her face burning, paid the fare. She then collected her tennis things--racket, hand towel, and sun hat--and followed Selena. At fifteen, Ginnie was about five feet nine in her 9-B tennis shoes, and as she entered the lobby, her self-conscious rubber-soled awkwardness lent her a danger-

Перед самой войной с эскимосами

Пять раз подряд в субботу по утрам Джинни Мэннокс играла в теннис на Ист-Сайдском корте с Селиной Графф, своей соученицей по школе мисс Бейсхор. Джинни не скрывала, что считает Селину самой жуткой тусклячкой во всей школе -- а у мисс Бейсхор тусклячек явно было с избытком, -- но, с другой стороны, из всех знакомых Джинни одна только Селина приносила на корт непочатые жестянки с теннисными мячами. Отец Селины их изготовлял -- что-то вроде того. (Однажды за обедом Джинни изобразила семейству Мэннокс сцену обеда у Граффов; в созданной ее воображением картине фигурировал и вышколенный лакей -- он обходил обедающих с левой стороны, поднося каждому вместо стакана с томатным соком жестянку с мячиками.) Но вечная история с такси -- после тенниса Джинни довозила Селину до дому, а потом всякий раз должна была выкладывать деньги за проезд одна -- начинала действовать ей на нервы: ведь в конце концов мысль о том, чтобы возвращаться с корта на такси, а не автобусом, подала Селина. И на пятый раз, когда машина двинулась вверх по Йорк-авеню, Джинни вдруг прорвало.

-- Слушай, Селина...

-- Что? -- спросила Селина, усиленно шаря под ногами. --

Никак не найду чехла от ракетки! -- проныла она.

Несмотря на теплую майскую погоду, обе девочки были в пальто -- поверх шорт.

-- Он у тебя в кармане, -- сказала Джинни. -- Эй, послушай-ка...

-- О, господи! Ты спасла мне жизнь!

-- Слушай, -- повторила Джинни, не желавшая от Селины никакой благодарности за что бы там ни было.

-- Ну что?

Джинни решила идти напролом. Они подъезжали к улице, где жила Селина.

-- Мне это не светит -- опять выкладывать все деньги за такси одной, -- объявила Джинни. -- Я, знаешь ли, не миллионерша.

Селина приняла сперва удивленный вид, потом обиженный.

-- Но ведь я всегда плачу половину, скажешь нет? -- спросила она самым невинным тоном.

-- Нет, -- отрезала Джинни. -- Ты заплатила половину в первую субботу, где-то в начале прошлого месяца. А с тех пор -- ни разу. Я не хочу зажиматься, но, по правде говоря, мне выдают всего четыре пятьдесят в неделю. И из них я должна...

-- Но ведь я всегда приношу теннисные мячи, скажешь, нет?

Джинни иногда готова была убить Селину.

-- Твой отец их изготовляет -- или что-то вроде того, -- оборвала она ее. -- Они же тебе ни гроша не стоят. А мне приходится платить буквально за каждую...

-- Ладно, ладно, -- громко сказала Селина, давая понять, что разговор окончен и последнее слово осталось за ней. Потом со скужающим видом принялась шарить в карманах пальто.

-- У меня всего тридцать пять центов, -- холодно сообщила она. -- Этого достаточно?

-- Нет. Прости, но за тобой доллар шестьдесят пять. Я каждый раз замечала, сколько...

-- Мне придется пойти наверх и взять деньги у мамы. Может, это подойдет до понедельника? Я бы захватила их в спортивный зал, если ты уж без них жить не можешь.

Тон Селины убивал всякое желание пойти ей навстречу.

-- Нет, -- сказала Джинни. -- Вечером я иду в кино. Так что деньги нужны мне сейчас.

Девочки смотрели каждая в свое окно и враждебно молчали, пока такси не остановилось у многоквартирного дома, где жила Селина. Тогда Селина, сидевшая со стороны тротуара, вылезла из машины. Небрежно прикрыв дверцу, она с величаво рассеянным видом заезжей голливудской знаменитости быстро вошла в дом. Джинни, с пылающим лицом, стала расплачиваться. Потом собрала свое теннисное снаряжение -- ракетку, полотенце, картузик -- и направилась вслед за Селиной. В пятнадцать лет Джинни была метр

ous amateur quality. It made Selena prefer to watch the indicator dial over the elevator.

"That makes a dollar ninety you owe me," Ginnie said, striding up to the elevator.

Selena turned.

"It may just interest you to know," she said, "that my mother is very ill."

"What's the matter with her?"

"She virtually has pneumonia, and if you think I'm going to enjoy disturbing her just for money . . ." Selena delivered the incomplete sentence with all possible aplomb.

Ginnie was, in fact, slightly put off by this information, whatever its degree of truth, but not to the point of sentimentality.

"I didn't give it to her," she said, and followed Selena into the elevator.

When Selena had rung her apartment bell, the girls were admitted--or rather, the door was drawn in and left ajar--by a colored maid with whom Selena didn't seem to be on speaking terms. Ginnie dropped her tennis things on a chair in the foyer and followed Selena. In the living room, Selena turned and said,

"Do you mind waiting here? I may have to wake Mother up and everything."

"O.K.," Ginnie said, and plopped down on the sofa.

"I never in my life would've thought you could be so small about anything," said Selena, who was just angry enough to use the word "small" but not quite brave enough to emphasize it.

"Now you know," said Ginnie, and opened a copy of Vogue in front of her face. She kept it in this position till Selena had left the room, then put it back on top of the radio. She looked around the room, mentally rearranging furniture, throwing out table lamps, removing artificial flowers. In her opinion, it was an altogether hideous room--expensive but cheesy.

Suddenly, a male voice shouted from another part of the apartment, "Eric? That you?"

Ginnie guessed it was Selena's brother, whom she had never seen. She crossed her long legs, arranged the hem of her polo coat over her knees, and waited.

A young man wearing glasses and pajamas and no slippers lunged into the room with his mouth open.

"Oh. I thought it was Eric, for Chrissake," he said. Without stopping, and with extremely poor posture, he continued across the room, cradling something close to his narrow chest. He sat down on the vacant end of the sofa. "I just cut my goddam finger," he said rather wildly. He looked at Ginnie as if he had expected her to be sitting there. "Ever cut your finger? Right down to the bone and all?" he asked.

There was a real appeal in his noisy voice, as if Ginnie, by her answer, could save him from some particularly isolating form of pioneering.

Ginnie stared at him.

"Well, not right down to the bone," she said, "but I've cut myself."

He was the funniest-looking boy, or man--it was hard to tell which he was--she had ever seen. His hair was bed-dishevelled. He had a couple of days' growth of sparse, blond beard. And he looked-well, goofy.

"How did you cut it?" she asked.

He was staring down, with his slack mouth ajar, at his injured finger.

"What?" he said.

"How did you cut it?"

"Goddam if I know," he said, his inflection implying that the answer to that question was hopelessly obscure. "I was lookin' for something in the goddam wastebasket and it was fulla razor blades."

семьдесят два ростом, и сейчас, когда она вошла в парадное, застенчивая и неловкая, в больших кедах, в ней чувствовалась резкая грубоватая прямолинейность. Поэтому Селина предпочитала глядеть на шкалу указателя у клетки лифта.

-- Всего за тобой доллар девяносто, -- сказала Джинни, подходя к лифту.

Селина обернулась.

-- Может, тебе просто интересно будет узнать, что моя мама очень больна, -- сказала она.

-- А что с ней?

-- Вообще-то у нее воспаление легких, и если ты думаешь, что для меня такое удовольствие -- беспокоить ее из-за каких-то денег... -- В эту незаконченную фразу Селина постаралась вложить весь свой апломб.

По правде говоря, Джинни была несколько озадачена этим сообщением, хоть и не ясно было, в какой мере оно соответствует истине -- впрочем, не настолько, чтобы расчувствоваться.

-- Ну, я тут ни при чем, -- ответила Джинни и вслед за Селиной вошла в лифт.

Наверху Селина позвонила, и прислуга-негрityанка, с которой она, видимо, не разговаривала, впустила девочек, вернее просто распахнула перед ними дверь и оставила ее открытой. Бросив теннисное снаряжение на стул в передней, Джинни двинулась за Селиной. В гостиной Селина обернулась.

-- Ничего, если ты обождешь здесь? Может, мне придется будить маму, и все такое.

-- Ладно, -- сказала Джинни и плюхнулась на диван.

-- В жизни бы не подумала, что ты такая мелочная, -- сказала Селина. У нее достало злости употребить слово "мелочная", но все-таки не хватило смелости сделать на нем упор.

-- Ну, а теперь знаешь, -- отрезала Джинни и раскрыла "Вог", заслонив им лицо. Она держала журнал перед собой до тех пор, пока Селина не вышла из гостиной, потом положила его обратно на приемник и принялась разглядывать комнату, мысленно переставляя мебель, выбрасывая настольные лампы и искусственные цветы. Обстановка была, на ее взгляд, отвратная: дорогая, но совершенно безвкусная.

Внезапно из другой комнаты донесся громкий мужской голос:

-- Эрик, ты?

Джинни решила, что это Селинин брат, которого она никогда не видела. Скрестив длинные ноги, она обернула на коленках верблюжье пальто и стала ждать.

В гостиную ворвался долговязый очкастый человек -- в пижаме и босиком; рот у него был приоткрыт.

-- Ой... Я думал, это Эрик, черт подери. -- Не останавливаясь в дверях, он прошагал через комнату, сильно горбясь и бережно прижимая что-то к своей впалой груди, потом сел на свободный конец дивана. -- Только что палец порезал, будь он проклят, -- возбужденно заговорил он, глядя на Джинни так, словно ожидал ее здесь встретить. -- Когда-нибудь случалось порезаться? Чтоб до самой кости, а?

В его громком голосе явственно слышались просительные нотки, словно своим ответом Джинни могла избавить его от тягостной обособленности, на которую обречен человек, испытавший такое, чего еще не бывало ни с кем.

Джинни смотрела на него во все глаза.

-- Ну, не так чтобы до кости, но случалось, -- ответила она.

Такого чудного с виду парня -- или мужчины (это сказать было трудно) -- она в жизни не видела. Волосы растрепаны, верно, только что встал с постели. На лице -- двухдневная щетина, редкая и белесая. Вообще с виду -- лопух.

-- А как же вы порезались? -- спросила Джинни.

Опустив голову и раскрыв вялый рот, он внимательно разглядывал пораненный палец.

-- Чего? -- переспросил он.

-- Как вы порезались?

-- А черт его знает, -- сказал он, и самый тон его означал, что ответить на этот вопрос сколько-нибудь вразумительно нет никакой возможности. -- Искал что-то в этой дурацкой мусорной корзинке, а там лезвий полно.

"You Selena's brother?" Ginnie asked.
"Yeah. Christ, I'm bleedin' to death. Stick around. I may need a goddam transfusion."
"Did you put anything on it?"
Selena's brother carried his wound slightly forward from his chest and unveiled it for Ginnie's benefit.
"Just some goddam toilet paper," he said. "Stopsa bleeding. Like when you cut yourself shaving." He looked at Ginnie again.

"Who are you?" he asked. "Friend of the jerk's?"
"We're in the same class."
"Yeah? What's your name?"
"Virginia Mannoх."
"You Ginnie?" he said, squinting at her through his glasses. "You Ginnie Mannoх?"
"Yes," said Ginnie, uncrossing her legs.
Selena's brother turned back to his finger, obviously for him the true and only focal point in the room.

"I know your sister," he said dispassionately. "Goddam snob."

Ginnie arched her back.
"Who is?"
"You heard me."
"She is not a snob!"
"The hell she's not," said Selena's brother.
"She is not!"
"The hell she's not. She's the queen. Queen of the goddam snobs."

Ginnie watched him left up and peer under the thick folds of toilet paper on his finger.

"You don't even know my sister."
"Hell I don't."
"What's her name? What's her first name?" Ginnie demanded.

"Joan. . . . Joan the Snob."
Ginnie was silent.
"What's she look like?" she asked suddenly.
No answer.
"What's she look like?" Ginnie repeated.
"If she was half as good-looking as she thinks she is, she'd be goddam lucky," Selena's brother said. This had the stature of an interesting answer, in Ginnie's secret opinion.

"I never heard her mention you," she said.
"That worries me. That worries hell outa me."
"Anyway, she's engaged," Ginnie said, watching him. "She's gonna be married next month."
"Who to?" he asked, looking up.
Ginnie took full advantage of his having looked up.
"Nobody you know."
He resumed picking at his own first-aid work.
"I pity him," he said.
Ginnie snorted.
"It's still bleedin' like mad. Ya think I oughta put something on it? What's good to put on it? Mercurochrome any good?"
"Iodine's better," Ginnie said. Then, feeling her answer was too civil under the circumstances, she added,
"Mercurochrome's no good at all for that."
"Why not? What's the matter with it?"
"It just isn't any good for that stuff, that's all. Ya need iodine."

He looked at Ginnie.
"It stings a lot, though, doesn't it?" he asked. "Doesn't it sting a helluva lot?"
"It stings," Ginnie said, "but it won't kill you or anything."

Apparently without resenting Ginnie's tone, Selena's brother turned back to his finger. "I don't like it when it stings," he said.
"Nobody does."
He nodded in agreement.

-- Вы брат Селины? -- спросила Джинни.
-- Угу. Черт, я истекаю кровью. Не уходи. Как бы не потребовалось какое-нибудь там дурацкое переливание крови.
-- А вы его чем-нибудь залепили?
Селинин брат слегка отвел руку от груди и приоткрыл ранку, чтобы показать ее Джинни.
-- Да нет, просто приложил кусочек вот этой дурацкой туалетной бумаги, -- сказала он. -- Останавливает кровь. Как при бритье, когда порежешься. -- Он снова взглянул на Джинни.
-- А ты кто? -- спросил он. -- Подруга нашей поганки?
-- Мы с ней из одного класса.
-- Да?.. А звать как?
-- Вирджиния Мэннокс.
-- Ты -- Джинни? -- спросил он и подозрительно глянул на нее сквозь очки. -- Джинни Мэннокс?
-- Да, -- сказала Джинни и выпрямила ноги.
Селинин брат снова уставился на свой палец -- для него это явно был самым важным, единственно достойный внимания объект во всей комнате.
-- Я знаю твою сестру, -- проговорил он бесстрастно. -- Воображала паршивая.
Спина у Джинни выгнулась:
-- Кто-кто?
-- Ты слышала кто.
-- Все она не воображала!
-- Ну да, не воображала. Еще какая, черт дери.
-- Н е т, не воображала!
-- Ну да, черт дери! Принцесса паршивая. Принцесса Воображала.
Джинни все смотрела на него -- он приподнял туалетную бумагу, накрученную в несколько слоев на палец, и заглянул под нее.
-- Да вы моей сестры вовсе не знаете!
-- Ну да, не знаю, прямо...
-- А как ее звать? Как ее имя? -- настойчиво допытывалась Джинни.
-- Джоан. Джоан-Воображала.
Джинни промолчала.
-- А какая она из себя? -- спросила она вдруг.
Ответа не последовало.
-- Ну, какая она из себя? -- повторила Джинни.
-- Да будь она хоть вполчину такая хорошенькая, как она воображает, можно было б считать, что ей чертовски повезло, -- сказал Селинин брат.
Ответ довольно занятный, решила про себя Джинни.
-- А она о вас никогда не упоминала.
-- Я убит. Убит на месте.
-- Кстати, она помолвлена, -- сказала Джинни, наблюдавшая за ним. -- В будущем месяце выходит замуж.
-- За кого? -- Он вскинул глаза.
Джинни не преминула этим воспользоваться.
-- А вы его все равно не знаете.
Он снова принялся накручивать бумажку на палец.
-- Мне его жаль, -- объявил он.
Джинни фыркнула.
-- Кровища хлещет как сумасшедшая. Ты как считаешь -- может, смазать чем-нибудь? А вот чем? Меркурохром годится?
-- Лучше йодом, -- сказала Джинни. Потом, решив, что слова ее прозвучали недостаточно профессионально и веско, добавила:
-- Меркурохром тут вовсе не поможет.
-- А почему? Чем он плох?
-- Просто он в таких случаях не годится, вот и все. Йодом нужно.
Он взглянул на Джинни.
-- Ну да еще, он щиплет здорово, скажешь, нет? Щиплет как черт, что -- неправда?
-- Ну, щиплет, -- согласилась Джинни. -- Но вы от этого не умрете, и вообще.
Видимо, нисколько не обидевшись на Джинни за ее тон, он снова уставился на свой палец.
-- Не люблю, когда щиплет, -- признался он.
-- Никто не любит.

"Yeah," he said.

Ginnie watched him for a minute.

"Stop touching it," she said suddenly.

As though responding to an electric shock, Selena's brother pulled back his uninjured hand. He sat up a trifle straighter--or rather, slumped a trifle less. He looked at some object on the other side of the room. An almost dreamy expression came over his disorderly features. He inserted the nail of his uninjured index finger into the crevice between two front teeth and, removing a food particle, turned to Ginnie.

"Jeat jet?" he asked.

"What?"

"Jeat lunch yet?"

Ginnie shook her head.

"I'll eat when I get home," she said. "My mother always has lunch ready for me when I get home."

"I got a half a chicken sandwich in my room. Ya want it? I didn't touch it or anything."

"No, thank you. Really."

"You just played tennis, for Chrissake. Aren'tcha hungry?"

"It isn't that," said Ginnie, crossing her legs. "It's just that my mother always has lunch ready when I get home. She goes insane if I'm not hungry, I mean."

Selena's brother seemed to accept this explanation. At least, he nodded and looked away. But he turned back suddenly.

"How 'bout a glassa milk?" he said.

"No, thanks.... Thank you, though."

Absently, he bent over and scratched his bare ankle.

"What's the name of this guy she's marrying?" he asked.

"Joan, you mean?" said Ginnie. "Dick Heffner."

Selena's brother went on scratching his ankle.

"He's a lieutenant commander in the Navy," Ginnie said.

"Big deal."

Ginnie giggled. She watched him scratch his ankle till it was red. When he began to scratch off a minor skin eruption on his calf with his fingernail, she stopped watching.

"Where do you know Joan from?" she asked. "I never saw you at the house or anything."

"Never been at your goddam house."

Ginnie waited, but nothing led away from this statement.

"Where'd you meet her, then?" she asked.

"Party," he said.

"At a party? When?"

"I don't know. Christmas, '42."

From his breast pajama pocket he two-fingered out a cigarette that looked as though it had been slept on.

"How 'bout throwing me those matches?" he said.

Ginnie handed him a box of matches from the table beside her. He lit his cigarette without straightening out its curvature, then replaced the used match in the box. Tilting his head back, he slowly released an enormous quantity of smoke from his mouth and drew it up through his nostrils. He continued to smoke in this "French-inhale" style. Very probably, it was not part of the sofa vaudeville of a showoff but, rather, the private, exposed achievement of a young man who, at one time or another, might have tried shaving himself lefthanded.

"Why's Joan a snob?" Ginnie asked.

"Why? Because she is. How the hell do I know why?"

"Yes, but I mean why do you say she is?"

He turned to her wearily.

"Listen. I wrote her eight goddam letters.

Eight. She didn't answer one of 'em."

Ginnie hesitated.

"Well, maybe she was busy."

"Yeah. Busy. Busy as a little goddam beaver."

"Do you have to swear so much?" Ginnie asked.

"Goddam right I do."

Ginnie giggled.

-- Угу. -- Он кивнул.

Некоторое время Джинни молча наблюдала за его действиями.

-- Хватит ковырять, -- сказала она вдруг.

Селинин брат, словно его током ударило, отдернул здоровую руку. Он чуть выпрямился, вернее стал чуть меньше горбиться, и принялся разглядывать что-то на другом конце комнаты. Мягкое лицо его приняло сонное выражение. Вставив ноготь между передними зубами, он извлек оттуда застрявший кусочек пищи и повернулся к Джинни.

-- Ела уже? -- спросил он.

-- Что?

-- Завтракала, говорю?

Джинни покачала головой.

-- Дома поем. Мама всегда готовит завтрак к моему приходу.

-- У меня в комнате половинка сэндвича с курицей. Хочешь? Я его не надкусывал и ничего такого.

-- Нет, спасибо. Правда не хочу.

-- Ты же только что с тенниса, черт дер. Неужели не проголодалась?

-- Не в том дело, -- ответила Джинни и снова скрестила ноги. -- Просто мама всегда готовит завтрак к моему приходу. Если я не стану есть, она разозлится, вот я про что.

Брат Селины, видимо, удовлетворился этим объяснением. Во всяком случае, он кивнул и стал смотреть в сторону. Но вдруг снова обернулся:

-- стаканчик молока, а?

-- Нет, не надо... А вообще-то спасибо вам.

Он рассеянно наклонился и почесал голую лодыжку.

-- Как звать того парня, за кого она выходит? -- спросил он.

-- Это вы про Джоан? -- сказала Джинни. -- Дик Хефнер.

Селинин брат молча чесал лодыжку.

-- Он военный моряк, капитан-лейтенант.

-- Фу-ты, ну-ты!

Джинни фыркнула. Он расчесывал лодыжку, покуда она не покраснела, потом принялся расковыривать какую-то царапину, и Джинни отвела взгляд.

-- А откуда вы знаете Джоан? -- спросила она. -- Я вас ни разу не видела ни у нас дома, ни вообще.

-- Сроду не был в вашем дурацком доме.

Джинни выжидательно помолчала, но продолжения не последовало.

-- А где же вы тогда с ней познакомились?

--- вечеринка.

-- На вечеринке? А когда?

-- Да не знаю. Рождество, в сорок втором.

Из нагрудного кармана пижамы он вытащил двумя пальцами сигарету, такую измятую, будто он на ней спал.

-- Брось-ка мне спички, а? -- попросил он.

Джинни взяла коробок со столика у дивана и протянула Селинину брату. Он закурил сигарету, так и не распрямив ее, потом сунул обгоревшую спичку в коробок. Запрокинув голову, он медленно выпустил изо рта целое облако дыма и стал втягивать его носом. Так он и курил, делая "французские затяжки" одну за другой. Видимо, то была не салонная бравада, а просто демонстрация личного достижения молодого человека, который, к примеру, время от времени, может быть, даже пробовал бриться левой рукой.

-- А почему Джоан воображала? -- поинтересовалась Джинни.

-- Почему? Да потому, что воображала. Откуда мне, к чертям, знать -- почему?

-- Да, но я хочу сказать -- почему вы так говорите?

Он устало повернулся к ней.

-- Послушай. Я написал ей восемь писем, черт дер.

Восемь. И она ни на одно не ответила.

Джинни помолчала.

-- Ну, может, она была занята.

-- Хм. Занята. Трудится, не покладая рук, черт подери.

-- Вам непременно надо все время чертыхаться?

-- Вот именно, черт подери.

Джинни снова фыркнула.

"How long did you know her, anyway?" she asked.
"Long enough."
"Well, I mean did you ever phone her up or anything? I mean didn't you ever phone her up or anything?"
"Naa."
"Well, my gosh. If you never phoned her up or any--"

"I couldn't, for Chrissake!"
"Why not?" said Ginie.
"Wasn't in New York."
"Oh! Where were you?"
"Me? Ohio."
"Oh, were you in college?"
"Nope. Quit."
"Oh, were you in the Army?"
"Nope."
With his cigarette hand, Selena's brother tapped the left side of his chest.

"Ticker," he said.
"Your heart, ya mean?" Ginie said. "What's the matter with it?"
"I don't know what the hell's the matter with it. I had rheumatic fever when I was a kid. Goddam pain in the--"
"Well, aren't you supposed to stop smoking? I mean aren't you supposed to not smoke and all? The doctor told my--"
"Aah, they tellya a lotta stuff," he said.
Ginie briefly held her fire. Very briefly.
"What were you doing in Ohio?" she asked.
"Me? Working in a goddam airplane factory."
"You were?" said Ginie. "Did you like it?"
"Did you like it?" he mimicked. "I loved it. I just adore airplanes. They're so cute."

Ginie was much too involved now to feel affronted.

"How long did you work there? In the airplane factory."
"I don't know, for Chrissake. Thirty-seven months."
He stood up and walked over to the window. He looked down at the street, scratching his spine with his thumb.
"Look at 'em," he said. "Goddam fools."

"Who?" said Ginie.
"I don't know. Anybody."
"Your finger'll start bleeding more if you hold it down that way," Ginie said.
He heard her. He put his left foot up on the window seat and rested his injured hand on the horizontal thigh. He continued to look down at the street.
"They're all goin' over to the goddam draft board," he said. "We're gonna fight the Eskimos next. Know that?"

"The who?" said Ginie.
"The Eskimos.... Open your ears, for Chrissake."
"Why the Eskimos?"
"I don't know why. How the hell should I know why? This time all the old guys're gonna go. Guys around sixty. Nobody can go unless they're around sixty," he said. "Just give 'em shorter hours is all. ... Big deal."

"You wouldn't have to go, anyway," Ginie said, without meaning anything but the truth, yet knowing before the statement was completely out that she was saying the wrong thing.
"I know," he said quickly, and took his foot down from the window seat. He raised the window slightly and snapped his cigarette streetward. Then he turned, finished at the window.
"Hey. Do me a favor. When this guy comes, willya tell him I'll be ready in a coupla seconds? I just gotta shave is all. O.K.?"
Ginie nodded.
"Ya want me to hurry Selena up or anything? She know you're here?"
"Oh, she knows I'm here," Ginie said. "I'm in no hurry. Thank you."

Selena's brother nodded. Then he took a last, long look at his injured finger, as if to see whether it was in condition to make the trip back to his room.
"Why don't you put a Band-Aid on it? Don't you have any Band-Aid or any-

-- А вообще-то вы давно ее знаете? -- спросила она.
-- Довольно давно.
-- Я хочу сказать -- вы ей звонили хоть раз или еще там что? Я говорю -- звонили вы ей?
-- Не-а...
-- Вот это да! Так если вы ей никогда не звонили, и вообще...
-- Не мог, к чертям собачьим.
-- Почему? -- удивилась Джинни.
-- Не был тогда в Нью-Йорке.
-- Да? А где же вы были?
-- Я? В Огайо.
-- А, вы были в колледже?
-- Не, ушел.
-- А, так вы были в армии?
-- Не...

Рукой, в которой была зажата сигарета, Селинин брат похлопал себя по левой стороне груди.
-- Моторчик, -- бросил он.
-- Вы хотите сказать -- сердце? А что у вас с сердцем?
-- А черт его знает. В детстве был ревматизм. Жуткая боль...

-- Так вам, наверно, курить не надо? То есть, наверно, совсем курить нельзя, и вообще? Врач говорил моей...
-- Ха, они наговорят!

Джинни ненадолго умолкла. Очень ненадолго. Потом спросила:
-- А что вы делали в Огайо?
-- Я? Работал на этом проклятом авиационном заводе.
-- Да? -- сказала Джинни. -- Ну и как вам, понравилось?
-- "Ну и как вам понравилось?" -- передразнил он с гримасой. -- Я был в восторге. Просто обожаю самолеты. Такие миляги!

Джинни была слишком заинтересована, чтобы почувствовать себя обиженной.

-- И долго вы там работали? На авиационном заводе?
-- Да не знаю, черт дерит. Три года и месяц.

Он поднялся, подошел к окну и стал смотреть вниз, на улицу, почесывая спину большим пальцем.

-- Ты только глянь на них, -- сказал он. -- Идиоты проклятые.

-- Кто?

-- Да не знаю. Все!

-- Если будете руку опускать, опять кровь пойдет, -- сказала Джинни.

Он послушался, поставил левую ногу на широкий подоконник и положил порезанную руку на колено.

-- Все тащатся на этот проклятый призывной пункт, -- объявил он, продолжая глядеть вниз, на улицу. -- В следующий раз будем воевать с эскимосами. Тебе это известно?

-- С кем? -- удивилась Джинни.

-- С э с к и м о с а м и... Разуй уши, черт подери.

-- Но почему с эскимосами?

-- Да не знаю. Откуда, к чертям собачьим, мне знать?

Теперь все старичье погонят. Ребят лет под шестьдесят. Кому нет шестидесяти, брать не будут. Дадут им укороченный рабочий день, и все дела. Сила!

-- Ну, _в_а_с_ все равно не возьмут, -- сказала Джинни без всякой задней мысли, но, не успев закончить фразу, поняла, что говорит не то.

-- Знаю, -- быстро ответил он и снял ногу с подоконника.

Приподняв раму, он вышвырнул сигарету на улицу. А покончив с этим, повернулся к Джинни:

-- Эй, будь другом. Тут придет один малый, скажи -- я буду готов через минуту, ладно? Только побреюсь, и все. Идет?

Джинни кивнула.

-- Мне поторопить Селину или как? Она знает, что ты здесь?

-- Да, знает, -- ответила Джинни. -- Я не тороплюсь, спасибо.

Брат Селины кивнул. В последний раз внимательно оглядел порез, словно прикидывая, сможет ли в таком состоянии дойти до своей комнаты.

-- Почему вы его не залепите? Есть у вас пластырь или еще

thing?"

"Naa," he said. "Well. Take it easy."

He wandered out of the room. In a few seconds, he was back, bringing the sandwich half.

"Eat this," he said. "It's good."

"Really, I'm not at all--"

"Take it, for Chrissake. I didn't poison it or anything."

Ginnie accepted the sandwich half.

"Well, thank you very much," she said.

"It's chicken," he said, standing over her, watching her. "Bought it last night in a goddam delicatessen."

"It looks very good."

"Well, eat it, then."

Ginnie took a bite.

"Good, huh?"

Ginnie swallowed with difficulty.

"Very," she said.

Selena's brother nodded. He looked absently around the room, scratching the pit of his chest.

"Well, I guess I better get dressed.... Jesus! There's the bell. Take it easy, now!" He was gone.

Left alone, Ginnie looked around, without getting up, for a good place to throw out or hide the sandwich. She heard someone coming through the foyer. She put the sandwich into her polo-coat pocket.

A young man in his early thirties, neither short nor tall, came into the room. His regular features, his short haircut, the cut of his suit, the pattern of his foulard necktie gave out no really final information. He might have been on the staff, or trying to get on the staff, of a news magazine. He might have just been in a play that closed in Philadelphia. He might have been with a law firm.

"Hello," he said, cordially, to Ginnie.

"Hello."

"Seen Franklin?" he asked. "He's shaving. He told me to tell you to wait for him. He'll be right out."

"Shaving. Good heavens." The young man looked at his wristwatch. He then sat down in a red damask chair, crossed his legs, and put his hands to his face. As if he were generally weary, or had just undergone some form of eyestrain, he rubbed his closed eyes with the tips of his extended fingers. "This has been the most horrible morning of my entire life," he said, removing his hands from his face. He spoke exclusively from the larynx, as if he were altogether too tired to put any diaphragm breath into his words.

"What happened?" Ginnie asked, looking at him.

"Oh. . . . It's too long a story. I never bore people I haven't known for at least a thousand years." He stared vaguely, discontentedly, in the direction of the windows. "But I shall never again consider myself even the remotest judge of human nature. You may quote me wildly on that."

"What happened?" Ginnie repeated.

"Oh, God. This person who's been sharing my apartment for months and months--I don't even want to talk about him.... This writer," he added with satisfaction, probably remembering a favorite anathema from a Hemingway novel.

"What'd he do?"

"Frankly, I'd just as soon not go into details," said the young man. He took a cigarette from his own pack, ignoring a transparent humidior on the table, and lit it with his own lighter. His hands were large. They looked neither strong nor competent nor sensitive. Yet he used them as if they had some not easily controllable aesthetic drive of their own. "I've made up my mind that I'm not even going to think about it. But I'm just so furious," he said. "I mean here's this awful little person from Altoona, Pennsylvania--or one of those places. Apparently starving to death. I'm kind and decent enough--I'm the original Good Samaritan--to take him into my apartment, this absolutely microscopic little apartment that I can hardly move around in myself. I introduce him to all my friends. Let him clutter up the whole apartment with his horrible manuscript papers, and cigarette butts, and radishes, and whatnot. Introduce him to every theatrical producer in New York. Haul his filthy shirts

что-нибудь?

-- Не-а. Ладно, не переживай.

-- И он побрел из гостиной. Но очень скоро вернулся, неся половину сэндвича.

-- На, ешь, -- сказал он. -- Вкусно.

-- Но я, правда, совсем не...

-- А ну ешь, черт возьми. Не отравил же я его, и все такое.

Джинни взяла сэндвич.

-- Спасибо большое, -- сказала она.

-- С курицей, -- пояснил он, стоя на Джинни и внимательно на нее глядя. -- Купил вчера вечером в этой дурацкой кулинарии.

-- На вид очень аппетитно.

-- Ну вот и ешь.

Джинни откусила кусочек.

-- Вкусно, а?

Джинни глотнула с трудом.

-- Очень, -- сказала она.

Селинин брат кивнул. Он рассеянно озирался, почесывая впающую грудь.

-- Ладно, пожалуй, я пойду оденусь... Господи! Звонят. Так ты не робей! И он вышел.

Оставшись одна, Джинни, не вставая с дивана, огляделась по сторонам: куда бы выбросить или спрятать сэндвич? В коридоре послышались шаги, и она сунула сэндвич в карман пальто.

В гостиную вошел молодой человек лет тридцати с небольшим, не очень высокий, но и не низкий. По его правильным чертам, короткой стрижке, покрою костюма и расцветке фулярового галстука нельзя было сказать сколько-нибудь определенно, кто он такой. Может, он сотрудник -- или пытается попасть в сотрудники -- какого-нибудь журнала. Может, участвовал в спектакле, который только что провалился в Филадельфии. А может, служит в юридической фирме.

-- Привет! -- дружелюбно обратился он к Джинни.

-- Привет.

-- Фрэнклина не видели? -- Он бреется. Просил передать, чтобы вы его поджидали. Он вот-вот выйдет.

-- Бреется... Боже милостивый! -- молодой человек взглянул на свои часы. Потом опустил в оббитое красным шелком кресло, закинул ногу на ногу и поднес ладони к лицу. Прикрыв веки, он принялся тереть их кончиками пальцев, словно совсем обессилел или долго напрягал глаза. -- Это было самое ужасное утро в моей жизни, -- объявил он, отводя руки от лица. Говорил он горловым, сдавленным голосом, словно был слишком утомлен, чтобы произносить слова на обычном диафрагмальном дыхании.

-- Что случилось? -- спросила Джинни, разглядывая его.

-- О-о, это слишком длинная история. Я никогда не доучаю людям -- разве только тем, кого знаю по меньшей мере тысячу лет. -- Он рассеянно и недовольно посмотрел в сторону окон. -- Да, больше я уже не буду воображать, будто хоть сколько-нибудь разбираюсь в человеческой натуре. Можете передавать мои слова кому угодно.

-- Да что же случилось? -- снова спросила Джинни.

-- О боже. Этот тип, он жил в моей квартире месяцы, месяцы и месяцы. Я о нем даже говорить не хочу... Этот писатель! -- с удовлетворением произнес он, вероятно, вспомнив хемингуэевский роман, где это слово прозвучало как брань.

-- А что он такого сделал?

-- Откровенного говоря, я предпочел бы не вдаваться в подробности, -- заявил молодой человек. Он вынул сигарету из собственной пачки, оставив без внимания прозрачный ящик с сигаретами, и закурил от своей зажигалки. В его руках не было ни ловкости, ни чуткости, ни силы. Но каждым их движением он как бы подчеркивал, что есть в них некое особое, только им присущее изящество, и очень это непросто -- делать так, чтобы оно не бросалось в глаза. -- Я твердо решил даже не думать о нем. Но я просто в ярости, -- сказал он. -- Появляется, понимаете ли, этот гнусный типчик из Алтуны, штат Пенсильвания, или еще откуда-то из захолустья. Вид такой, будто вот-вот умрет с голоду. Я проявляю такую сердечность и порядочность -- пускаю его к себе в квартиру, совершенно микроскопическую квартирку,

back and forth from the laundry. And on top of it all--" The young man broke

off. "And the result of all my kindness and decency," he went on, "is that he

walks out of the house at five or six in the morning--without so much as leaving a note behind--taking with him anything and everything he can lay his filthy, dirty hands on." He paused to drag on his cigarette, and exhaled the smoke in a thin, sibilant stream from his mouth. "I don't want to talk about it. I really don't." He looked over at Ginnee. "I love your coat," he said, already out of his chair. He crossed over and took the lapel of Ginnee's polo coat between his fingers. "It's lovely. It's the first really good camel's hair I've seen since the war. May I ask where you got it?"

"My mother brought it back from Nassau."

The young man nodded thoughtfully and backed off toward his chair.

"It's one of the few places where you can get really good camel's hair." He sat down. "Was she there long?"

"What?" said Ginnee.

"Was your mother there long? The reason I ask is my mother was down in December. And part of January. Usually I go down with her, but this has been such a messy year I simply couldn't get away."

"She was down in February," Ginnee said.

"Grand. Where did she stay? Do you know?"

"With my aunt."

He nodded.

"May I ask your name? You're a friend of Franklin's sister, I take it?"

"We're in the same class," Ginnee said, answering only his second question.

"You're not the famous Maxine that Selena talks about, are you?"

"No," Ginnee said.

The young man suddenly began brushing the cuffs of his trousers with the flat of his hand.

"I am dog hairs from head to foot," he said. "Mother went to Washington over the weekend and parked her beast in my apartment. It's really quite sweet. But such nasty habits. Do you have a dog?"

"No."

"Actually, I think it's cruel to keep them in the city." He stopped brushing, sat back, and looked at his wristwatch again. "I have never known that boy to be on time. We're going to see Cocteau's 'Beauty and the Beast' and it's the one film where you really should get there on time. I mean if you don't, the whole charm of it is gone. Have you seen it?"

"No."

"Oh, you must! I've seen it eight times. It's absolutely pure genius," he said. "I've been trying to get Franklin to see it for months." He shook his head hopelessly. "His taste. During the war, we both worked at the same horrible place, and that boy would insist on dragging me to the most impossible pictures in the world. We saw gangster pictures, Western pictures, musicals--"

"Did you work in the airplane factory, too?" Ginnee asked.

"God, yes. For years and years and years. Let's not talk about it, please."

"You have a bad heart, too?"

"Heavens, no. Knock wood." He rapped the arm of his chair twice. "I have the constitution of--"

As Selena entered the room, Ginnee stood up quickly and went to meet her halfway. Selena had changed from her shorts to a dress, a fact that ordinarily would have annoyed Ginnee.

где мне и самому повернуться негде. Знакомлю его со всеми моими друзьями. Позволяю ему заваливать всю квартиру этими ужасными рукописями, окурками, редиской и еще бог знает чем. Знакомлю его с директорами всех нью-йоркских театров. Таскаю его вонючие рубашки в прачечную и обратно. И в довершение всего... -- Молодой человек внезапно умолк. -- И в награду за всю мою порядочность и сердечность, -- снова заговорил он, -- этот тип уходит из дому часов в пять утра, даже записки не оставляет и уносит с собой решительно все, на что только смог наложить свои вонючие грязные лапы. -- Он сделал паузу, чтобы затануться, и выпустил дым изо рта тонкой свистящей струйкой. -- Я не хочу даже говорить об этом. Право же, не хочу. -- Он взглянул на Джинни. -- У вас прелестное пальто, -- сказал он, поднявшись с кресла. Подойдя к Джинни, он взялся за отворот ее пальто и потер его между пальцами. -- Прелесть какая. Первый раз после войны вижу качественную верблюжью шерсть. Разрешите узнать, где вы его приобрели?

-- Мама привезла мне его из Нассо.

Молодой человек глубокомысленно кивнул и стал пятиться к своему креслу.

-- Это, знаете ли, одно из немногих мест, где можно достать качественную верблюжью шерсть. -- Он сел.

-- И долго она там пробыла?

-- Что? -- спросила Джинни.

-- Ваша мама долго там пробыла? Я потому спрашиваю, что м о я мама провела там декабрь. И часть января. Обычно я езжу с ней, но этот город был такой суматошный -- я просто не мог вырваться.

-- Она была там в феврале, -- сказала Джинни.

-- Изумительно. А где она останавливалась? Вы не знаете?

-- У моей тетки.

Он кивнул.

-- Разрешите узнать, как вас зовут? Полагаю, вы подруга сестры Фрэнклина?

-- Мы из одного класса, -- сказала Джинни, оставляя первый вопрос без ответа.

-- Вы не та знаменитая Мэксин, о которой рассказывает Селина?

-- Нет, -- ответила Джинни.

Молодой человек вдруг принялся чистить ладонью манжеты брюк.

-- Я с ног до головы облеплен собачью шерстью, -- пояснил он. -- Мама уехала на уикэнд в Вашингтон и водворила своего пса ко мне. Песик, знаете ли, премилый. Но что за гадкие манеры! У вас есть собака?

-- Нет.

-- Вообще-то, я считаю -- это жестоко, держать их в городе. -- Он кончил чистить брюки, уселся поглубже в кресло и снова взглянул на свои ручные часы. -- Случая не было, чтобы этот человек куда-нибудь опоздал вовремя. Мы идем смотреть "Красавицу и чудовище" Как-то -- а на этот фильм, знаете ли, непременно надо успеть вовремя. Потому что иначе весь шарм пропадает. Вы его смотрели?

-- Нет.

-- О, посмотрите непременно. Я его восемь раз видел. Совершенно гениально. Вот уже несколько месяцев пытаюсь затащить на него Фрэнклина. -- Он безнадежно покачал головой. -- Ну и вкус у него... Во время войны мы вместе работали в одном ужасном месте, и этот человек упорно таскал меня на самые нелепые фильмы в мире. Мы смотрели гангстерские фильмы, вестерны, мюзиклы...

-- А вы тоже работали на авиационном заводе? -- спросила Джинни.

-- О боже, да. Годы, годы и годы. Только не будем говорить об этом, прошу вас.

-- А что у вас тоже плохое сердце?

-- Бог мой, нет. Тьфу-тьфу, постучу по дереву. -- И он дважды стукнул по ручке кресла. -- У меня здоровье крепкое, как у...

Тут в дверях появилась Селина, Джинни вскочила и пошла ей навстречу. Селина успела переодеться, она была уже не в шортах, а в платье -- деталь, которая в другое время обозлила бы

"I'm sorry to've kept you waiting," Selena said insincerely, "but I had to wait for Mother to wake up.... Hello, Eric."

"Hello, hello!"

"I don't want the money anyway," Ginnie said, keeping her voice down so that she was heard only by Selena.

"What?"

"I've been thinking. I mean you bring the tennis balls and all, all the time. I forgot about that."

"But you said that because I didn't have to pay for them--"

"Walk me to the door," Ginnie said, leading the way, without saying good-bye to Eric.

"But I thought you said you were going to the movies tonight and you needed the money and all!" Selena said in the foyer.

"I'm too tired," Ginnie said. She bent over and picked up her tennis paraphernalia. "Listen. I'll give you a ring after dinner. Are you doing anything special tonight? Maybe I can come over."

Selena stared and said, "O.K."

Ginnie opened the front door and walked to the elevator. She rang the bell.

"I met your brother," she said.

"You did? Isn't he a character?"

"What's he do, anyway?" Ginnie asked casually. "Does he work or something?"

"He just quit. Daddy wants him to go back to college, but he won't go."

"Why won't he?"

"I don't know. He says he's too old and all."

"How old is he?"

"I don't know. Twenty-four."

The elevator doors opened.

"I'll call you later!" Ginnie said.

Outside the building, she started to walk west to Lexington to catch the bus. Between Third and Lexington, she reached into her coat pocket for her purse and found the sandwich half. She took it out and started to bring her arm down, to drop the sandwich into the street, but instead she put it back into her pocket.

A few years before, it had taken her three days to dispose of the Easter chick she had found dead on the sawdust in the bottom of her wastebasket.

Джинни.

-- Извини, что заставила тебя ждать, -- сказала она лживым голосом, -- но мне пришлось дожидаться, пока проснется мама...

Привет, Эрик!

-- Привет, привет!

-- Мне все равно денег не нужно, -- сказала Джинни, понизив голос так, чтобы ее слышала одна Селина.

-- Что?

-- Я передумала. Я хочу сказать -- ты все время приносишь теннисные мячи, и вообще. Я про это совсем забыла.

-- Но ты же говорила -- раз они мне ни гроша не стоят...

-- Проводи меня до лифта, -- быстро сказала Джинни и вышла первая, не прощаясь с Эриком.

-- Но, по-моему, ты говорила, что вечером идешь в кино, что тебе нужны деньги, и вообще, -- сказала в коридоре Селина.

-- Нет, я слишком устала, -- ответила Джинни и нагнулась, чтобы собрать свои теннисные пожитки. -- Слушай, я после обеда позвоню тебе. У тебя на вечер никаких особых планов нет? Может, я зайду.

Селина смотрела на нее во все глаза.

-- Ладно, -- сказала она.

Джинни открыла входную дверь и пошла к лифту.

-- Познакомилась с твоим братом, -- сообщила она, нажав кнопку.

-- Да? Вот тип, правда?

-- А кстати, что он делает? -- словно невзначай осведомилась Джинни. -- Работает или еще что?

-- Только что уволился. Папа хочет, чтобы он вернулся в колледж, а он не желает.

-- Почему?

-- Да не знаю. Говорит -- ему уже поздно, и вообще.

-- Сколько же ему лет?

-- Да не знаю. Двадцать четыре, что ли.

Дверцы лифта разошлись в стороны.

-- Так я попозже позвоню тебе! -- сказала Джинни.

Выйдя из Селининого дома, она пошла в западном направлении, к автобусной остановке на Лексингтон-авеню. Между Третьей и Лексингтон-авеню она сунула руку в карман пальто, чтобы достать кошелек, и наткнулась на половинку сэндвича. Джинни вынула сэндвич и опустила было руку, чтобы бросить его здесь же, на улице, но потом засунула обратно в карман.

За несколько лет перед тем она три дня не могла набраться духу и выкинуть подаренного ей на пасху цыпленка, которого обнаружила, уже дохлого, на опилках в своей мусорной корзинке.

Перевод: Суламифь Оскаровна Митина.

Параллельный текст: А.Эджумян.